

Тенденция к романтизации в идейно-воспитательной работе комсомола в середине 1950-х годов

Аннотация: статья посвящена особенностям идейно-воспитательной работы комсомола в середине 1950-х гг.; особое внимание уделено противоречивым последствиям применения метода романтизации. Авторы солидарны с мнением К. Уль о молодежи периода «оттепели» как о связующем звене между «героическим прошлым» и «светлым будущим». Обращение к патристическим чувствам молодежи способствовало ее мобилизации на созидательную деятельность. Показано, что непоследовательная критика культа личности И. В. Сталина содействовала с усилением культа личности В. И. Ленина, призванного прославлять легендарное прошлое и воодушевлять людей на построение коммунизма.

Ключевые слова: история, молодежь, комсомол, метод романтизации, И. В. Сталин, В. И. Ленин, культ, мораль, традиции, политпросвещение.

В первое послереволюционное десятилетие были чрезвычайно популярны всякого рода театрализованные мероприятия: шествия, карнавалы, концерты «Синей блузы», массовые театрализованные представления. Они служили повышению интереса к комсомолу, популяризации коммунистической идеологии. Нельзя не заметить, что романтизация проводилась все больше ради самой романтики, «интересности», как форма лучшей отчетности. Однако политизированной игрой или карнавалом можно привлечь внимание к той или иной проблеме, но для осознания этой проблемы, поиска путей ее решения нужно «включать» не только чувства, но и разум. Единственное, что твердо усваивалось комсомольцами и всей молодежью благодаря романтизации — это культ борьбы, революционного насилия. Росло поколение, воспринимавшее революционные идеи главным образом с помощью красивой их подачи и, следовательно, легко «переубеждаемое». Энтузиазм и экзальтированность, свойственные молодежи, легко переходили в пустую болтовню¹.

В середине 1950-х гг. идейно-воспитательной деятельности комсомола вновь все настойчивее проявлялась тенденция к романтизации, популя-

ризировались «яркие, живые, интересные мероприятия, которые оседают в памяти юношей и девушек на долгие годы»². Секретарь Тамбовского обкома ВЛКСМ Блохин, в частности, отмечал: «Представьте себе такую картину. На поляне собралось более 2 тыс. человек. Здесь — старики и старухи, взрослые мужчины и женщины, юноши и девушки, маленькие ребятишки. И вот на виду у такого скопления народа молодой девушке вручается комсомольский билет. Эта девушка на всю жизнь запомнит день вступления в комсомол и получение комсомольского билета, будет более бережно хранить и с большей ответственностью относиться к данному документу»³. Именно по такому сценарию в 1957 г. проводились праздники молодежи во многих колхозах⁴.

Безусловно, было рациональное зерно в торжественной организации чествования передовиков сельского хозяйства. Молодой доярке или птичнице было приятно услышать прилюдно сказанные в ее адрес хорошие слова, особенно в форме стихотворения, пионерского приветствия, получить памятный альбом, отрез на платье. Это был более эффективный путь привлечения молодежи в животноводство, чем административные меры.

В 1957 г. наметившейся в идеологической работе комсомола перелом все более приветство-

¹ Слезин А. А. Политическое просвещение молодежи 1920-х годов как звено системы политического контроля // Политика и общество. 2010. № 3. С. 52–59; он же. Создание идейно-психологических предпосылок сталинизма комсомолом 1920-х годов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 1997. Т. 3. № 4. С. 511–518.

² ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 1373а. Л. 98.

³ Там же.

⁴ Там же.

вался руководящими органами ВЛКСМ: борясь за массовость политико-воспитательной работы, все чаще признавали полезность мероприятий с развлекательным компонентом. Так, в пример ставился праздник молодежи в колхозе имени Докучаева Тамбовского района. На него собралось более 2 тыс. человек, приехали гости из соседних колхозов, МТС, совхоза. Лучшие комсомольцы были награждены Почетными грамотами обкома ВЛКСМ и ценными подарками, был дан большой концерт, проводились игры, аттракционы, спортивные состязания⁵. Более разнообразными стали формы лекционной пропаганды (устные журналы «Новости дня», вечера вопросов и ответов, диспуты).

В комсомоле начали понимать, что для улучшения идейно-воспитательной работы среди молодежи нужно учитывать специфику работы с нею, разнообразить формы работы, стараться сделать ее более доступной и интересной. В связи с этим в рассматриваемый период весьма эффективными формами комсомольской работы надо признать эстафеты культуры, фестивали молодежи, сатирические и световые газеты, диспуты. Вошли в практику встречи с ветеранами. Во время подготовки к 40-летию Октябрьской революции во многих комсомольских организациях значительно больше обычного уделялось внимание воспитанию молодежи на революционных и трудовых традициях: практически повсеместно проводились встречи со старыми коммунистами, участниками войн. Популярными стали «встречи трех поколений».

Фактически вся пропагандистская работа строилась на триедином принципе воспитания на революционных традициях прошлого, героике настоящего и коммунистических идеалах будущего. Права К. Уль, когда говорит о молодежи периода «оттепели» как о связующем звене между «героическим прошлым» и «светлым будущим»⁶.

В феврале 1957 г. состоялся пленум ЦК ВЛКСМ, на котором рассматривались проблемы улучшения идейно-воспитательной работы комсомольских организаций. Особое место уделялось воспитанию молодого поколения на революционных и трудовых традициях народа. В резолюции указывалось: «Вклад советской молодежи в общенародное дело станет еще более значимым, роль комсомола как помощника и резерва партии возрастает, если он сильнее разовьет революционную энергию молодежи и направит ее на еще лучшее участие в коммунистическом строительстве»⁷.

⁵ ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 1154. Л. 18.

⁶ Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279–326.

⁷ Цит. по: Славный путь Ленинского комсомола. М., 1978. С. 414.

Как в устной комсомольской пропаганде, так и в комсомольско-молодежной прессе одной из основных тем было героическое прошлое молодежи предыдущих поколений: борьба молодых рабочих и профессиональных революционеров против царского гнета, победа над врагами революции, создание экономического и военного могущества СССР, героизм советского народа в Великой Отечественной войне. Стиль публикаций (живые репортажи, рассказы, эссе) и разнообразие мероприятий (встречи с ветеранами, читательские конференции, викторины, театрализованные маёвки, костюмы и т. п.) привлекали внимание не только комсомольских активистов. Западные авторы отмечали, что описания характеров положительных героев того времени являлись настолько плоскими и архетипическими, что в действительности напоминали биографии древнерусских святых или жизнь самого Христа — с добавлением некоторых специфически советских ценностей и устремлений⁸.

Все большую популярность приобретали читательские конференции, проводившиеся как комсомольскими организациями, так и различными учреждениями культуры.

Важным способом меморизации стало празднование дат, которые могли служить своеобразными «передачами эстафет» от поколения к поколению. Особую роль играли даты, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. За год до XX съезда КПСС была подготовлена почва для формирования культа Ленина⁹. Согласно постановлению ЦК КПСС от 11 января 1955 г., ежегодные мероприятия, посвященные памяти Ленина, переносились с даты смерти (21 января) на день рождения вождя (22 апреля): «После смерти Ленина установилась традиция отмечать память В. И. Ленина — великого основателя и вождя Коммунистической партии и Советского государства — в день его кончины 21 января. В первые годы после смерти В. И. Ленина этот день в сознании советского народа и Коммунистической партии непосредственно связывался со скорбным событием — окончанием жизненного пути великого вождя В. И. Ленина; отсюда вытекал торжественно-траурный характер мероприятий, отмечавших светлую память В. И. Ленина... В сознании народов нашей страны и трудящихся всего мира с

⁸ Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 46–47; Gbnther H. Der sozialistische bbermensch: M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart: Metzler, 1993. 179–180.

⁹ См.: Слезин А. А. Становление культа Ленина в комсомоле // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 19–25.

именем В. И. Ленина, с его учением связываются великие победы советских людей в строительстве коммунистического общества. Поэтому теперь более целесообразно отмечать память В. И. Ленина не в день его смерти, что накладывает печать траура и скорби, а в день рождения Ленина – 22 апреля, придав этой дате значение праздника, что будет более соответствовать всему духу ленинизма как вечно живого, жизнеутверждающего учения... В этот день широко освещать значение всепобеждающих идей марксизма-ленинизма и достигнутые успехи в строительстве коммунизма»¹⁰.

После разоблачения культа личности Сталина культ Ленина не только не исчез, но, напротив, разросся до огромных масштабов. За 1953–1958 гг. произведения В. И. Ленина вышли в СССР тиражом 53,2 миллиона экземпляров¹¹. В помощь комсомольским и партийным пропагандистам вышли разнообразные справочники, библиографические указатели, сборники высказываний вождя по различным вопросам. В «красных уголках» предприятий, домах культуры, клубах, библиотеках с активным участием комсомольцев оформлялись выставки и стенды, посвященные В. И. Ленину. Торжественные собрания, линейки, митинги, посвященные вехам жизни вождя, конференции по изучению «ленинского теоретического наследия» стали столь частыми мероприятиями, что молодежь воспринимала повседневное почитание Ленина как явление, неотрывное от комсомольской повседневности. Ленин стал идеологической иконой.

Считалось, что Сталин искажил ленинские принципы. «Добрый» Ленин был противопоставлен «злому» Сталину. Рисунки, статуи, плакаты, значки, почтовые марки с изображением Ленина выпускались в громадных количествах, тогда как сталиниана стремительно уходила в прошлое. Если в изображениях сталинского времени Ленин предстал величавым и грозным, дабы соответствовать официальному образу своего «продолжателя», в послесталинский период официальное искусство создало образ «дедушки Ленина» – человеческого и доступного, с лукаво-ласковой улыбкой и добрым прищуром.

Как известно, на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил о «недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может

сделать; он непогрешим в своих поступках»¹². Однако далее вся логика доклада убеждала, что направлен он только против культа одной личности – И. В. Сталина.

В этих условиях руководство ВЛКСМ довольно быстро переориентировалось на критику культа личности Сталина. Сначала она носила отчасти оправдательный характер. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин, в частности, пояснял, что «партия критиковала Сталина не за то, что он был плохим коммунистом, а за отклонения, отрицательные качества, за то, что он допустил серьезные ошибки. Когда же речь шла о защите классовых интересов пролетариата, то Сталин всегда мужественно защищал дело марксизма-ленинизма. Он был выдающимся революционером»¹³. Вместе с тем первый секретарь ЦК ВЛКСМ напрямую связывал недостатки в работе комсомольского руководства с влиянием Сталина на молодых: «Именно в годы культа личности укоренились такие негодные методы в работе комсомола, как голое администрирование, оказывание работы, бюрократизация аппарата... Не случайно в комсомоле развились такие уродливые явления, как замазывание недостатков, лакирование действительности, парадность и шумиха, очковтирательство»¹⁴.

Стоит признать, что действия Н. С. Хрущева и его последователей по разоблачению культа личности, попытка осмысления истории советского общества по действиям ее субъективных носителей, борьба со сторонниками «вождизма» положили начало процессу перестройки общественного сознания. В течение марта 1956 г. «секретный» доклад читали на заводах, в учреждениях, в колхозах, даже в старших классах школ. С ним ознакомились 7 млн. коммунистов и 18 млн. комсомольцев. «Беспартийных активистов» никто не считал. Историк Рой Медведев, работавший тогда в небольшой сельской школе в Ленинградской области, вспоминал типичную процедуру организации закрытого собрания: «Было получено предписание собраться всем учителям на следующий день в 4 часа дня в “красном уголке” соседнего кирпичного завода. Сюда пришли также многие работники завода, руководители соседнего совхоза и колхоза. Только меньшая часть собравшихся состояла в КПСС. Собра-

¹⁰ Правда. 1955. 11 янв.

¹¹ Славный путь Ленинского комсомола. М., 1978. С. 414.

¹² О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt> [дата обращения: 11.08.2012].

¹³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 356. Л. 30.

¹⁴ Там же. Д. 347. Л. 66.

ние открыл работник райкома партии. Он сказал нам, что прочтет полный текст секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии, но не будет отвечать на вопросы или открывать прения. Никто из нас не должен делать никаких записей. После этого началось чтение небольшой брошюры, которое продолжалось несколько часов. Все мы слушали доклад внимательно, безмолвно, почти с ужасом...»¹⁵.

Показателен опрос 30 ветеранов комсомола 1950-х гг., проведенный нами в 2011 г.: 27 из 30 заявили о том, что совершенно не были готовы к услышанному, были ошеломлены; 23 ветерана признались, что сначала восприняли доклад отрицательно.

Между тем, именно после доклада люди не просто сравнивали себя, свои действия и мысли, но и анализировали образ жизни, мышление, поступки своих руководителей. Начинало исчезать чувство неуверенности в себе, страх перед начальником, стало проявляться чувство собственного достоинства. Лишив ореола неприкосновенности первую личность государства и ее окружение, первый секретарь ЦК КПСС тем самым и себя поставил под пристальный взгляд общественности. Однако сделал он это, скорее всего, «по ошибке». И сам Н. С. Хрущев, и А. Н. Шелепин, и менее высокопоставленные критики культа личности признавали, что тот «способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, порождая грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывания недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей»¹⁶. Но именно «подхалимы, аллилуйщики, очковтиратели», быстро переориентировавшись, вслед за новыми руководителями ругали мертвого, по существу вновь проявляя подхалимство и очковтирательство.

После развенчания культа личности Сталина в ряде крупных городов возникли кружки студенческой молодежи, искренние порывы которой были квалифицированы как антисоветская деятельность. Участники ряда групп были подвергнуты арестам и получили сроки заключения до 10 лет¹⁷. В докладе первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина на Пленуме ЦК ВЛКСМ

в апреле 1956 г. подчеркивалось: «Кое-где враги пытаются использовать развернувшуюся критику в своих враждебных целях и тем самым подорвать доверие молодежи к партии, к нашему правительству, к нашему Центральному Комитету. А некоторые наши работники не дают должного отпора всякого рода антисоветским и антипартийным высказываниям»¹⁸. Та же мысль повторялась в докладе секретаря Тамбовского обкома ВЛКСМ А. Е. Сергеева на апрельском пленуме обкома: «Кое-где чуждые элементы пытаются использовать развитие критики в своих враждебных целях и тем самым пытаются подорвать доверие народа к партии, доверие молодежи к партии, правительству и ЦК КПСС. Некоторые работники не дают отпора всякого рода антисоветским и антипартийным высказываниям. Мы должны признавать критику только в рамках партийности и давать бой любому, кто допустит выпады против партии и государства»¹⁹.

В постановлении ЦК КПСС «О работе партии по преодолению культа личности и его последствий», вышедшем в свет 30 июня 1956 г., критика И. В. Сталина была значительно смягчена: «Факты говорят о том, что Сталин повинен во многих беззакониях, которые совершались особенно в последний период его жизни. Однако нельзя вместе с тем забывать, что советские люди знали Сталина как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма. Он применял порою в этой борьбе недостойные методы, нарушал ленинские принципы и нормы партийной жизни. В этом состояла трагедия Сталина, но все это вместе с тем затрудняло и борьбу против совершившихся тогда беззаконий, ибо успехи строительства социализма, укрепления СССР в обстановке культа личности приписывались Сталину. Выступления против него в этих условиях было бы не понято народом. И дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто выступил бы в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе. Более того, подобное выступление было бы расценено в тех условиях, как выступление против дела строительства социализма, как крайне опасный в обстановке капиталистического окружения подрыв единства партии и всего государства...»²⁰.

Меж тем материалы первых месяцев после смерти Сталина свидетельствуют: несмотря на

¹⁵ Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М., 2001. С. 132.

¹⁶ О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. ...

¹⁷ Соколов В. И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX века до XXI века. 2-е изд., испр. и доп. Рязань, 2002. С. 458.

¹⁸ Цит. по: Криворученко В. К. В тисках сталинщины: Трагедия комсомола. М., 1991. С. 388.

¹⁹ ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 1298. Л. 42.

²⁰ Реабилитация: как это было. Т. 2. М., 2003. С. 139–140.

постепенное свертывание культа личности в официальной пропаганде, в деятельности молодежи имели место проявления «культовой» психологии. В письмах-откликах на смерть И. В. Сталина его называли «гением человечества», «великим вождем», «родным», «горячо любимым», «немеркнущим светочем», «кормчим коммунизма»²¹.

25–26 апреля 1956 г. вопрос о культе личности Сталина и его последствиях был рассмотрен на пленуме Тамбовского обкома ВЛКСМ. В основном докладе повторялись тезисы из докладов Н. С. Хрущева и А. Н. Шелепина, хотя докладчик и оговорился: «Все вы знакомы с этим докладом, поэтому остановлюсь лишь на выводах, которые надо сделать в своей практической работе». Вновь подчеркивались заслуги Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в Гражданской войне, в борьбе «за победу Ленинской линии индустриализации и коллективизации нашей страны, в борьбе против врагов и извратителей ленинизма». Говорилось, что «только в результате культа личности и связанных с ним нарушений партийной жизни мог пробраться на руководящие посты партии и государства такой матерый агент империализма, как Берия». А «партия разоблачила и разгромила эту банду, ликвидировала нарушения социалистической законности, восстановила в полной мере ленинские нормы партийной жизни, социалистическую законность»²². Берия, называемый презренным агентом империализма, объявлялся виновным в арестах и уничтожении «многих опытных и честных комсомольских работников, преданных партии»²³.

С культом личности связывали укоренение в комсомоле «негодных методов работы»: голого администрирования, оказывания. Неслучайными назывались такие явления как замалчивание недостатков, лакирование действительности, праздность, шумиха, очковтирательство. Объяснение их виделось в том, что «культ личности воспитал у комсомольских работников пренебрежительное отношение к инициативе, идущей снизу»²⁴. По логике комсомольских руководителей середины 1950-х гг. особенно большой ущерб культ личности нанес идеологической работе среди комсомольцев и молодежи: «Долгие годы молодежь воспитывалась в книгах, фильмах и постановках, насквозь пропитанных культом личности. Роль партии и народных масс в этих

произведениях снижалась. Вся пропагандистская работа в комсомоле сводилась к восхвалению и механическому заучиванию сказанного или написанного Сталиным»²⁵. Фактически найден был новый жупел, на которого можно было списать (с явными преувеличениями) все недостатки идеологической работы. Говорилось о значительном вреде воспитанию школьников, о грубом нарушении демократических принципов.

Наименование комсомола ленинско-сталинским объявлялось тоже виной лично Сталина («никакого решения на этот счет не было»²⁶). Борьбу с культом личности многие восприняли как очередную кампанию борьбы с врагами народа. Во многих комсомольских организациях все свелось к тому, что убрали бюсты и портреты Сталина. На собраниях, где зачитывали доклад Н. С. Хрущева, вопросы предпочитали не задавать, чтобы не совершить очередную политическую ошибку. В Шехманском районе школьники вырывали из книг портреты Сталина²⁷.

Комсомольский актив был призван разъяснять, что марксизму-ленинизму чужды мелкобуржуазные анархические взгляды, отрицавшие роль руководителей, организаторов масс: «Богатый опыт социалистического строительства учит, что принципы коллективного руководства, широкое развертывание демократии вовсе не отрицают роли, а повышают ответственность отдельных руководителей за порученное дело»²⁸.

Советской идеологии, которую иногда отождествляют с советской религией, имманентно был присущ культ вождя. Поэтому вопреки логике осуждения культа личности Сталина с новой силой внедрялся культ Ленина. «Поддача героизма предыдущих поколений служила моделью, с которой молодые люди должны были соотносить свои нравственные суждения и поведенческие модели. Моральная инженерия, составлявшая сердцевину официального дискурса о прошлом, функционировала как инструмент мобилизации и дисциплинирования нынешней молодежи: поведенческая модель, характерная для этого дискурса, была нацелена на воспроизведение ее молодыми людьми»²⁹.

Еще не так часто, как в конце 1950-х – начале 1960-х гг., но уже все более настойчиво официальная риторика реанимировала утопический про-

²¹ ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1–6.

²² Там же. Д. 1298. Л. 36.

²³ Там же. Л. 38.

²⁴ Там же. Л. 37.

²⁵ Там же. Л. 39.

²⁶ Там же. 1298. Л. 39.

²⁷ Там же. Л. 41–42.

²⁸ Там же. Л. 42.

²⁹ Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»... С. 293.

ект построения коммунизма. Как замечает К. Уль, «мобилизующая сила, которую ожидали от этого идеологического импульса, была нацелена главным образом на молодежь и открывала широкое поле для кампаний и проектов, призванных вписать молодых людей в зримую конструкцию нового коммунистического общества»³⁰. Во всяком случае, колоссальный мобилизационный проект освоения целинных и залежных земель напрямую был связан с ожиданиями и амбициями молодого поколения.

В феврале 1954 г. в Москве состоялось собрание комсомольского актива, обратившееся к молодежи страны с призывом принять участие в освоении целины. На собрании выступил Н. С. Хрущев, заявивший, что медлить нельзя. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Комсомол, как всегда, горячо отозвался на призыв... Перед молодыми добровольцами я выступил с коротким призывом и объяснил предстоящие задачи. Сказал, что партия возлагает на них большие надежды. Затем собрание призвало молодежь всей страны откликнуться на новое дело. Протекало оно интересно, ребята выступали с энтузиазмом. До сих пор в моей зрительной и слуховой памяти сохранились некоторые лица и речи. Молодые люди буквально светились, их глаза горели. Я глубоко верил в молодежь, она более подвижна и способна на подвиг. Так оно и оказалось»³¹.

Интересна оценка целинной эпопеи А. Т. Твардовским, объяснявшим ее замысел «не только прямым расчетом “займа” на стороне от старопахенных земель, но и соблазном развернуться на чистом свободном месте, где техника, организация труда и все преимущество крупного хозяйства могло сказаться в “чистом” виде, — все заново и без помех “маленького капитализма”, без стариков, садилов, колодцев и прочего. И они сказались, но не могли не сказаться и другие стороны, не столь выгодные моменты (запустение еще большее старопахенных земель), фронтовой характер освоения новых земель, характер «операции», при которой огромные потери неизбежны. То, то испокон веков делалось на земле людьми, родившимися и обученными на ней, то есть производство хлеба под своими “старыми грушами”, делалось теперь сборным, как на новой стройке, народом, по преимуществу молодым, то есть наименее приверженным земле, часто вовсе не деревенским. Но все же “операция” эта гени-

альна, даже если бы пришлось вновь отступить, дать отдохнуть этим землям и сосредоточиться больше на старопахенных»³². Трудности, побег от безысходности, надежда, героизм — все это удивительным образом переплелось в общественном сознании как олицетворение понятия «целина». Понятия «молодежь» и «целина» соседствовали в общественном сознании с самого начала.

«Моральная инженерия» сопутствовала в эти годы практически всем официальным партийным документам, обращенным к молодежи. Делом чести каждой комсомольской организации называлась забота о сохранении и умножении революционных традиций.

Но не будем безапелляционно следовать за западными исследователями: «после секретного доклада Хрущева страх как инструмент власти постепенно был заменен перспективой коммунистического будущего и “моральной” терминологией как способами интегрировать советский народ в социалистическое государство»³³; морализация определенных моделей поведения и социального контроля стала надежным способом контроля над молодым поколением³⁴. С нашей точки зрения, они слишком упрощают советскую действительность. В реальности власть не могла полагаться на одну «моральную инженерию». С ее помощью она в большей степени, чем при Сталине, воздействовала на массы, в том числе и молодежь, но совсем отказываться от насилия преемники Сталина не собирались. Кроме того, не надо забывать, что обращение к «героическому прошлому» было характерно и для предыдущих этапов политико-просветительной работы ВЛКСМ (по крайней мере, с середины 1930-х гг.).

Что касается обращения к традициям предыдущих поколений, то оно больше использовалось как фактор воздействия на патриотические чувства молодежи: и пионеры-герои, и красные участники Гражданской войны, и борцы с угнетением царского режима, и выдающиеся ученые-просветители разных эпох в сознании молодежи 1950-х гг. представляли прежде всего как борцы за счастье любимой Родины³⁵.

³⁰ Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»... С. 282.

³¹ Цит. по: Млечин Л. Железный Шурик [Электронный ресурс]. URL: http://lyubov-bushtuev.narod.ru/section9_1.html (дата обращения: 04.10.2012).

³² Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/6/tvard.html> (дата обращения: 11.08.2012).

³³ Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»... С. 294.

³⁴ Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 279–303.

³⁵ Беляев А. А., Слезин А. А. Политическое просвещение провинциальной молодежи после Великой Отечественной войны: намерения и результаты [Электронный ресурс]. URL: <http://gaspito.ru/index.php/publication/35-statyi/250-politicheskoe-prosveshchenie> (дата обращения: 04.11.2012).

Список литературы:

1. Беляев А. А., Слезин А. А. Политическое просвещение провинциальной молодежи после Великой Отечественной войны: намерения и результаты [Электронный ресурс]. URL: <http://gaspito.ru/index.php/publication/35-statyi/250-politicheskoe-prosveshenie> (дата обращения: 04.11.2012).
2. Криворученко В. К. В тисках сталинщины: Трагедия комсомола. М., 1991.
3. Слезин А. А. Политическое просвещение молодежи 1920-х годов как звено системы политического контроля // Политика и общество. 2010. № 3. С. 52–59.
4. Создание идейно-психологических предпосылок сталинизма комсомолом 1920-х годов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 1997. Т.3. №4. С. 511–518.
5. Соколов В. И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX века до XXI века. 2-е изд., испр. и доп. Рязань, 2002.
6. Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279–326.
7. Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 46–47.
8. Günther H. Der sozialistische Übermensch: Maksim Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart; Weimar, 1993. P. 179–180.
9. Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 279–303.

References (transliteration):

1. Belyaev A. A., Slezin A. A. Politicheskoe prosveshchenie provintsial'noy molodezhi posle Velikoy Otechestvennoy voyny: name-neniya i rezul'taty [Elektronnyy resurs]. URL: <http://gaspito.ru/index.php/publication/35-statyi/250-politicheskoe-prosveshenie> (data obrashcheniya: 04.11.2012).
2. Krivoruchenko V. K. V tiskakh stalinshchiny: Tragediya komsomola. M., 1991.
3. Slezin A. A. Politicheskoe prosveshchenie molodezhi 1920-kh godov kak zveno sistemy politicheskogo kontrolya // Politika i obshchestvo. 2010. № 3. S. 52–59.
4. Sozdanie ideyno-psikhologicheskikh predposylok stalinizma komsomolom 1920-kh godov // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 1997. T. 3. № 4. S. 511–518.
5. Sokolov V. I. Istoriya molodezhnogo dvizheniya Rossii (SSSR) so vtoroy poloviny XIX veka do XXI veka. 2-e izd., ispr. i dop. Ryazan', 2002.
6. Ul' K. Pokolenie mezhdru «geroicheskim proshlym» i «svetlym budushchim»: rol' molodezhi vo vremya «ottepeli» // Antropologicheskiiy forum. 2011. № 15. S. 279–326.
7. Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 279–303.
8. Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 46–47.
9. Günther H. Der sozialistische Übermensch: M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart; Weimar, 1993. P. 179–180.